

МАСТЕРА ПСИХОЛОГИИ

С. Л. Рубинштейн

БЫТИЕ И СОЗНАНИЕ

Мастера психологии

Сергей Рубинштейн

Бытие и сознание

«Питер»

1957

УДК 122
ББК 87.212.22

Рубинштейн С. Л.

Бытие и сознание / С. Л. Рубинштейн — «Питер»,
1957 — (Мастера психологии)

ISBN 978-5-4461-2139-7

Работа крупнейшего российского психолога и философа С. Л. Рубинштейна «Бытие и сознание» освещает одну из важнейших проблем философской мысли — вопрос о природе сознания в его отношении к бытию, к материальному миру. В книге рассматривается ряд основных проблем теории познания — об идеальном и материальном, о субъективном и объективном и т. д. В решении ряда важнейших проблем, поднимаемых в этом труде, центральное место занимает понимание детерминизма. Последняя часть книги посвящена теоретическим вопросам психологии, в частности, психологии личности. Начав свой путь как философ, автор по причине социальных жизненных обстоятельств официально стал советским психологом-теоретиком, исследователем, методологом, организатором психологической науки. В данной работе Рубинштейн выстроил концепцию, которая непротиворечиво и органично объединила все позитивное в истории философской и научной мысли. Издание адресовано психологам, философам, а также всем интересующимся. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 122
ББК 87.212.22

ISBN 978-5-4461-2139-7

© Рубинштейн С. Л., 1957

© Питер, 1957

Содержание

Предисловие	7
Биография С. Л. Рубинштейна[13]	31
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Леонидович Рубинштейн

Бытие и сознание

© ООО Издательство «Питер», 2023

© Серия «Мастера психологии», 2023

Предисловие

Данное издание, на первый взгляд просто включающее один из двух последних философско-психологических трудов С. Л. Рубинштейна, на самом деле имеет гораздо более глубокий смысл, вскрывающий внутреннюю логику его научного и жизненного пути. Эти два труда представляются парадоксальным, неожиданным завершением жизни выдающегося психолога именно в силу их преимущественно философско-методологического содержания. Начав свой путь как философ, он по причине социальных жизненных обстоятельств официально становится советским психологом-теоретиком, исследователем, методологом, организатором психологической науки. Что же побуждает его в конце жизни снова заявить о себе как философе – вернуться к идеям, имеющим парадигмальное философское значение для психологии («Бытие и сознание», 1957) и представляющим новую парадигму самой философии («Человек и мир», 1973)?

Последний, не заверченный по форме, но законченный по содержанию труд «Человек и мир» явился его философским завещанием – богатейшим наследством для тех, кто сумеет его прочесть и понять. Последнее слово в своей жизни и творчестве он сказал как философ, восстановив себя в правах философа, поставившего философскую проблему человека в мире.

Книга «Бытие и сознание», вышедшая в свет в 1957 г., фактически была третьим фундаментальным трудом С. Л. Рубинштейна, которому предшествовали «Основы общей психологии» (1940; 1946) и «Философские корни психологии» (1947) – книга, набор который был рассыпан на стадии верстки.

За десятилетие, предшествовавшее выходу книги (с 1946 до 1956), С. Л. Рубинштейн пережил два удара, нанесенных по его трудам: первым была критика «Основ общей психологии», неожиданно последовавшая после необыкновенного и научного и социального успеха (1-е издание «Основ общей психологии» было удостоено Государственной премии), вторым – уничтожение верстки следующей книги «Философские корни психологии» (1947), написанной в обстановке критики «Основ» и проработок автора. Сам С. Л. Рубинштейн был подвергнут научной и идеологической критике (обвинен в космополитизме) и снят со всех постов¹. Выход в свет «Бытия и сознания» и последовавших за этой монографией еще двух книг («О мышлении и путях его исследования», 1958, и «Принципы и пути развития психологии», 1959) свидетельствовал о необычайном человеческом мужестве, позволившем преодолеть эти потрясения, и творческом духовном подъеме автора, хотя его научный статус даже после смерти Сталина (1953) официально не был восстановлен.

Воодушевило ли Сергея Леонидовича падение сталинского режима или сама возможность, наконец, после нескольких лет запрета публиковать свои труды, или желание открыто ответить на жестокую критику своих оппонентов? Вероятно, вся совокупность этих обстоятельств сыграла свою роль. Но главная причина, несомненно, в самой особенности его личности и в том подъеме его внутренней жизни, который пришелся на этот период, в творчестве, которое и было смыслом, целью его жизни практической и направленной на решение самых сложных проблем философии и психологии (ее предмета). Это и позволяло ему выстаивать в самых трудных жизненных испытаниях.

Есть люди, личностное развитие которых достигает вершин, подпитываясь удачами и успехом. Рубинштейн принадлежал, как мы видим, к другому типу людей: препятствия порождают у них энергию и силы для их преодоления.

¹ См. об этом подробнее статью А. В. Брушлинского в книге «Применение концепции С. Л. Рубинштейна в психологии» (М., 1989).

«Бытие и сознание» и «Человек и мир» позволяют раскрыть всю целостность его замысла, возникшего в начале жизни, и представляют собой его реализацию, свершившуюся только в ее конце. Суть его призвания была в том, чтобы обрести и реализовать свое истинное назначение философа, чтобы решить самые трудные проблемы и психологии, и философии². Задача эта была понята и сформулирована им еще в самом начале его научного пути на основе переработки и переосмысления всего богатства, проблем и противоречий философской, конкретно-научной и психологической мысли. Но ее решение оказалось отложенным на целую жизнь, на десятилетия в силу сложившихся обстоятельств реальной жизни. О том, что такой замысел был сформулирован и достаточно глубоко конкретизирован, свидетельствуют еще не опубликованные рукописи 1910-1920-х гг. и статья «Принцип творческой самостоятельности» (1922)³, а также впервые публикуемые в данном издании выдержки из рукописей 1920-х гг. В них уже ставятся проблема человека в мире, проблема субъекта, т. е. дается абрис онтологии и философской антропологии. Этот замысел и реализованный им подход и позволил С. Л. Рубинштейну, не воплощая его в собственно философской форме, что было невозможно, «видеть» сущностные характеристики психологии как науки, реализовать в ней методологические принципы, которые он легализовал, опираясь на марксизм, дав свою модель и интерпретацию Марксовской категории деятельности и раскрыв ее роль для психологии. Человек, субъект деятельности, личность оставались «за сценой», но понимание их сущности позволяло Рубинштейну уже в «Основах общей психологии» дать уникальную трактовку предмета психологии, психики, сознания, никем в мире еще не превзойденную по своей интегративности, глубине и перспективности.

В «Бытии и сознании» С. Л. Рубинштейн легализует свою позицию как философа, о чем свидетельствует само название книги, введение понятия «бытие», непризнанного в обиходе официальной философии. Труд назван не «Материя и сознание», как то могло бы звучать, если бы автор следовал марксистской традиции, а «Бытие и сознание». В этом томе, как его можно назвать по отношению ко второму труду (тому) «Человек и мир» (фактически, в совокупности образующих двухтомник), он решает первую, ориентированную на проблемы психологии задачу – реализует *онтологический* подход к ее предмету. В томе «Человек и мир» он предлагает философскую концепцию онтологии-бытия и субъекта-человека в мире. Тем самым им решается вторая задача – создания философской антропологии.

Эта задача, решавшаяся Рубинштейном на протяжении всей жизни, требовала определенного метода (даже – стратегии), к разработке которого он приступил еще в своей самой первой философской работе – докторской диссертации, посвященной методу и блестяще защищенной в Марбурге⁴.

Необходимо было увидеть и извлечь все позитивное, вызревавшее на протяжении истории в философской мысли – особенно «зерна» кантовской и гегелевской философских парадигм. Но раскрытие этого позитивного содержания, одновременно с преодолением его односторонней, ограниченной механистической или идеалистической интерпретации, он осуществил не с позиций марксистской философии, а исходя из той философской парадигмы, которую он выстраивал на протяжении всей своей жизни, но основы которой, судя по трудам 1920-х гг., сложились еще до обращения к работам К. Маркса. Метод, доступный только интеллекту такого уровня, каким обладал Рубинштейн, заключался в раскрытии и интегра-

² О своем жизненном назначении, ответственности за реализацию научных и мировоззренческих идей Рубинштейн пишет в своих дневниках, впервые целиком публикуемых в данном издании.

³ Статья «Принцип творческой самостоятельности» (Учен. Записки Высшей школы Одессы. – 1922. – Т. 2. – С. 148–154) представляет одну из небольших глав книги, оставшейся в рукописях, она переиздана в журнале «Вопросы психологии» (1986. – № 4. – С. 101–107).

⁴ См. об этом подробнее статью А. В. Брушлинского в книге «Применение концепции С. Л. Рубинштейна в психологии» (М., 1989).

ции всего богатства, содержавшегося и в философском, и в научном знании, в философии и науке прошлого и настоящего. Практически любая концепция строится (и в том случае, если она развивает предыдущую или представляет собой ее альтернативу) методом все далее идущей конкретизации ее основных положений. В этом бывает заключена и ее оригинальность и ее... обособленность. Автора целиком поглощает задача выстроить все звенья *своей* теории. Поэтому к прошлым или существующим концепциям он обращается по отдельным вопросам, ссылаясь на них, их упоминая или критикуя.

Рубинштейн смог выстроить такую концепцию, которая непротиворечиво и органично объединяла все позитивное в истории философской и научной мысли. Он сумел это сделать, обобщив основные ходы человеческой мысли, вскрыв ее логику, альтернативы и противоречия. При этом он рассматривал историю философии и науки *не только как знание*, не как совокупность теорий, а с точки зрения того способа мышления, хода мысли, который к ним привел.

Существует методология и науковедение, вскрывающие принципы построения науки, которым она должна отвечать с точки зрения того или иного этапа и уровня развития научной рефлексии. Хотя сама философия выступает как методология, можно сказать, что Рубинштейн раскрыл методологию философской мысли, способа философского мышления и тем самым сумел интегрировать все то, что этой методологией охватывалось. Его философская концепция содержит в себе рефлексии всей истории и современной ему философии и в этом смысле является *метаконцепцией, парадигмой*.

Первый вопрос, который можно поставить в этой связи: на что он опирался, что было исходным основанием такого интегрирующего синтетического способа философского мышления? Несомненно, исходным пунктом была задача, поставленная марбургской школой именно как методологическая, а не чисто философская, в решение которой он включился со всей страстью ищущего мыслителя. Марбургская школа была не просто и не только философией неокантианства, а Коген и Наторп – не только эпигонами великого Канта. Задача синтеза гуманитарного и точного, естественнонаучного знания была подлинно методологической проблемой века. Это была проблема поиска единого метода, но она и не могла быть решена в рамках кантовской философии и логики. Рубинштейн принял эту, как он уже тогда видел, открытую, нерешенную проблему, но поставил ее для себя как проблему интеграции философской мысли, как проблему синтеза философии и науки, как проблему философской рефлексии нового уровня.

Была ли для него отправным основанием концепция Маркса? Впервые в этом издании, объединяющем важнейшие философские труды С. Л. Рубинштейна, можно открыто ответить на этот вопрос. Да, Рубинштейн уже с очень раннего возраста читал Маркса, изучал его в Германии в немецких изданиях (о чем свидетельствуют его дневники), но опирался он не на концепцию Маркса в разработке *своей* философской парадигмы (о чем свидетельствуют философские записки 1910-1920-х гг.).

Его отношение к концепции Маркса (и характер реализации ее положений) менялся на протяжении его научного пути. Первым этапом стало позитивное конструктивное переосмысление концепции К. Маркса под углом зрения глобальной задачи выхода психологии из кризиса (порожденного не только ее альтернативными тенденциями, но в том числе поверхностным «цитатническим» использованием трудов Маркса). Рубинштейн выдвигает как определяющую для развития психологии категорию деятельности или принцип единства сознания и деятельности. Это обобщение и преобразование в методологический принцип психологии целой совокупности положений Маркса. Вторым – столь же позитивным – этапом было обращение к ранним рукописям Маркса (совершенно непопулярным в официальном советском марксизме)⁵.

Наконец, третьим – критическим этапом – явился так прямо и названный самим С. Л. Рубинштейном «выход за пределы марксизма». Что конкретно имел в виду Рубинштейн? В

⁵ См. статью С. Л. Рубинштейна в кн. Принципы и пути развития психологии. – М., 1959.

«Бытии и сознании» он развернул критику ленинского понятия материи и его определения через сознание. Далее он дал критику официального марксизма – положения о трех составляющих его предмета – учения об обществе, о сознании (мышлении) и природе как «лоскутной» концепции, не имеющей единого основания интеграции. Эта критика дана в книге «Человек и мир». Наконец, он противопоставил свою онтологическую концепцию марксистской теории, постулировавшей три положения, которые могут быть названы онтологическими «бытие определяет сознание» («базис и надстройка», «материальные условия являются определяющими в жизни людей», «материя есть объективная реальность, существующая независимо от сознания»). Он доказал, что не только бытие определяет сознание, но и сознание определяет бытие. Характеризуя в самом общем виде марксистскую концепцию, можно сказать, что она содержала в себе анализ движения общественного производства, непосредственно связываемый К. Марксом с экономическими взаимоотношениями людей, анализ смены типов производства как определенных общественных формаций (характеризующих в целом базис общества и его сознание, включая его различные формы) и, наконец, связываемую с разными типами формаций идеологию, поставленную во главу угла политикой социализма. Маркс анализирует производство и труд, Рубинштейн выстраивает на основе его работ категорию «деятельности»; Маркс исследует отношения людей друг к другу, возникающие в процессе труда, и их характер, Рубинштейн – деятельность как совершенно особую форму активности Человека (как рода и как индивида) по отношению к природе. Маркса интересует потребительная стоимость предметов, создаваемых трудом, Рубинштейна – способность (свойство) деятельности осуществлять качественные превращения предметов и явлений, сохраняя при этом их сопоставимость, эквивалентность, идентичность (в определенном смысле). Это говорит о том, что Рубинштейн разрабатывает целую систему различных абстракций: негативирующих, отрицающих (например, идеологию, проблемы эксплуатации труда и т. д.) и конструктивных.

Что позволило Рубинштейну представить более конструктивную и интегральную концепцию по сравнению с марксистской? Как было сказано, это прежде всего метод, позволивший вобрать в свою систему богатство предшествовавшей и современной ему философской и научной мысли. По отношению к множеству различных теорий, к которым он обратился уже в своей монографии «Основы психологии» (1935), он применял метод, который можно назвать реинтерпретацией (П. Рикер, А. Н. Славская). Эта процедура заключается в использовании идей автора таким образом, чтобы в них обнаружились новые аспекты, иногда противоположные самой авторской интерпретации. «В основе каждой значительной философской концепции, – писал С. Л. Рубинштейн, – как создающая ее сила лежит какая-нибудь основная тенденция и неотъемлемый момент истины, какой-нибудь основной и сам по себе необходимый мотив и интерес мысли. Но идеи, их выражающие, реализуясь в часто неадекватном круге мыслей, которые они встречают на своем пути, отливаются в формулы парадоксальные и антиномические, порождая различные и часто антагонистические системы философии» (С. Л. Рубинштейн. О философской системе Г. Когена).

Вторым способом было использование – особенно по отношению к марксистской концепции – эзоповского, но не языка, а принципа (примером чего служит статья, посвященная юбилейной дате работы В. И. Ленина «Материализм или эмпириокритицизм», что создавало у читателя положительную установку к оценке ленинских идей, на самом же деле в этой статье содержалась имплицитная критика ленинского понятия «материя»). Наконец, Рубинштейн прибегал и к такому стилю изложения, при котором его собственное понимание приписывалось Марксу...

Основная же содержательная трудность построения собственной концепции заключалась в необходимости преодоления тех философских теорий человека, которые выдвигались на протяжении истории философии и, в частности, в ранних рукописях К. Маркса, а также в том, чтобы представить философскую антропологию на онтологической основе, т. е. предложить

не абстракцию человека, а человека в его бытии и раскрыть сущность последнего, связанную с бытием человека в Море.

Если идти вспять – т. е. от второго тома к первому, учитывая, что идея последнего у автора уже была, оттачиваясь и зрея на протяжении всей его жизни, – можно понять, как сумел Рубинштейн онтологизировать психику, доказать ее объективность, введя человека, субъекта как основание этой онтологизации, как того, существующего объективно, кому она принадлежит. «Идеи (понятия), – пишет С. Л. Рубинштейн, – не возникают помимо познавательной деятельности *субъекта*, образ не существует вне отражения мира, объективной реальности *субъектом*» (с. 42) (курсив мой. – К. А.). Итак, первым ходом онтологизации психического является введение субъекта и его *познавательной деятельности* (вместо двух абстракций – объект = вещь – образ), вторым – введение самой познавательной деятельности во взаимодействие субъекта с миром. Сложность этой модели субъективного, идеального в том, что она диалектична: оно зависимо и одновременно независимо от субъекта (оно независимо от него соотносительно с отражаемым в нем объектом, оно зависимо от субъекта, поскольку получено в его познавательной деятельности). В познавательной деятельности оно преобразовано субъектом. Однако развернуть этот ход мысли Рубинштейн в полной мере пока еще не мог. Здесь он лишь намечает эту идею: «Детерминированность, – пишет он, – распространяется и на субъекта, и на его деятельность... субъект своей деятельностью участвует в детерминации событий. цепь закономерностей не смыкается, если выключить из нее субъекта, людей, их деятельность». Поэтому он избрал другой способ, связанный с критикой в его адрес по поводу «Основ общей психологии». Она состояла в том, что он якобы утверждал двойную детерминацию психики: миром и мозгом. В качестве прямого опровержения этой критики им выдвигается *новая формула детерминации психического*.

Эта новая формула была одновременно немисливо смелым радикальным изменением общепринятого в философии понимания детерминации как причинно-следственного отношения. Рубинштейн определяет детерминизм как диалектику внешнего и внутреннего: внешнее не является причиной, определяющей или создающей внутреннее, а внутреннее не является его следствием. Внутреннее как онтологически «самодостаточное», объективно существующее *преломляет* внешние воздействия и т. д., *согласно своей собственной специфической сущности*. Удивительно, что при огромной сложной и новизне идей, представленных в «Бытии и сознании», вряд ли доступной даже квалифицированному психологу, формула Рубинштейна – «внешнее через внутреннее» – очень быстро вошла в «обиход» психологической науки. О ней писали, на нее ссылались. Но не стоит обольщаться этим фактом, поскольку, по-видимому, стремление к лозунгово-тезисным, простым формам и формулам, присущее общественному сознанию того времени, было свойственно и психологическому сознанию. Вся глубина этой формулы раскрывалась постепенно десятилетиями по мере развития самой психологической науки, уровня ее исследовательской культуры и мышления. Эта специфическая сущность внутреннего = психического проявляется в активности, избирательности по отношению к внешнему в соответствии со своей собственной «логикой». Нетрудно заметить, что психика обладает, согласно Рубинштейну, той же «способностью» осуществлять качественные изменения по отношению к внешним воздействиям, что и деятельность, но последняя осуществляет их реально, а психика и сознание – идеально.

В двух разделах «Бытия и сознания» С. Л. Рубинштейн раскрывает специфику природы сознания как идеального и субъективного. Эти определения на первый взгляд кажутся исключаящими возможность их онтологизации. Согласно официальной философской ленинской парадигме, идеальное лишь отражение материального, а свойством объективности обладает только материя.

Материю же Ленин, как говорилось, определил по критерию внеположности сознанию. Как же может быть объективно сознание, особенно если признать его субъективность как про-

тивоположное объективному? Ключом к решению этого сложнейшего вопроса является преодоление общепринятого противопоставления субъекта и объекта. Рубинштейн считает, что это противопоставление справедливо лишь для гносеологического отношения. Следовательно, сознание, психика имеет не только гносеологический характер. О ее онтологической сущности свидетельствует и естественнонаучный подход к психике, который связывает ее с природными основами.

В «Бытии и сознании» субъективное впервые в истории философской и психологической мысли признается в своем *онтологическом* статусе, признается в своем «праве» на существование. Во-первых, он достигает этого упомянутым отказом от ленинской формулы, противопоставляющей материю и сознание, и введением в заглавие книги понятие «бытие». Во-вторых, С. Л. Рубинштейн отказывается от того распространенного в психологии тезиса о невозможности определения самой психики и сознания, о необходимости ее изучать через *проявление* в чем-то ином объективном (например, в деятельности) или как *производное* от чего-то иного (например, согласно И. П. Павлову и следовавшему его методологии Б. М. Теплову, от высшей нервной деятельности). Мера того, насколько за психикой и сознанием отрицалось право на объективное существование, проявилась прямо, в неопубликованном, но, вероятно, застеночно-графированном большом докладе П. Я. Гальперина (соратника А. Н. Леонтьева), высказавшего суждение, что психика есть то, что мы сами из нее сделали. До этого она является *tabula rasa*.

Поэтому Рубинштейн избирает в «Бытии и сознании» способ доказательства объективности существования психического, *сближая* его со всеми явлениями мира, имеющими специфические закономерности, но согласно трактовке предмета физики и химии, принадлежащими к материальному миру. Штудирова труды А. Д. Александрова, П. Л. Капицы, А. Н. Колмогорова по физике и математике, относящиеся к области точных наук, Рубинштейн искал аналоги подходов к природе психического как, с одной стороны, совершенно уникального явления, на которое, с другой стороны, распространяются всеобщие закономерности бытия. Парадоксально, что в методологии и философии был забыт кризис физики начала века, когда открытие более глубоких свойств физических явлений привело к философскому выводу «материя исчезла!». Иными словами, проблема определения природы психического как идеального и субъективного и трудности их определения были связаны всего-навсего с натуралистическим пониманием материи, имплицитно с отождествлением материи с неживой природой. Естественно, было забыто, уж казалось бы должное выступать как законодательное, несколько фривольное выражение К. Маркса: «Стоимость тем и отличается от вдовлицы Квикли, что ее нельзя пощупать».

Поэтому свою систему доказательств объективности психического Рубинштейн и начинает с таких простых аналогов, которые были бы понятны тем, кто подразумевал под материей физические предметы, тела, камни и т. д. Он использует для доказательства онтологической, т. е. объективной природы психического, ее связь с мозгом, закономерностями высшей нервной деятельности, так как эти связи одиозно использовались для сведения психики как высшего к низшему, для уничтожения ее специфики, т. е. строит свое доказательство на парадоксе. И говоря о взаимодействии в бытии, он обращается именно к физическим простым примерам воздействия одного тела, предмета на другое, чтобы показать, что природа подвергающегося воздействию столь же объективна, как и природа воздействующего, что изменение температуры или иного тела зависит не только от уровня воздействующей на него температуры окружающей среды, но и от его собственной температуры. Он обращается к закону Бойля – Мориотта для того только, чтобы показать, что психическое, так же как и все явления в мире, имеет свои собственные внутренние *закономерности* (внутренние в смысле специфические) и через эти закономерности преломляются, ими опосредуются внешние воздействия, что скажется в общем эффекте взаимодействия. Здесь Рубинштейн фактически предлагает определять психику не только как отражение реальности – она противодействует оказываемым на

нее воздействиям, вступает с ними в активное взаимодействие. Хотя в принятом официальной марксистской философией понятии отражения и подчеркивался, и раскрывался его «незеркальный» характер, но отраженное все же оставалось производным, вторичным по отношению к объективному воздействию.

Однако, сближая психическое со всем объективно существующим в мире для доказательства его объективности, он одновременно раскрывает его уникальность и специфичность. Последняя заключается в показанной Рубинштейном многокачественности психического, его многомодальности. Строго говоря, не только сферы неживой природы, каждая представляющая единство в своей качественной определенности, но и высшие сферы бытия – бытие человека – этика, искусство и т. д. обособлены в силу своей внутренней монолитности, гомогенности. Соответственно каждая из наук обретает свою специфичность в силу качественной определенности тех областей бытия, которые она изучает. Но психология оказалась наукой о многокачественной, разномодальной сфере бытия. Раскрытие этого обстоятельства представляет одну из фундаментальных проблем, решенных Рубинштейном. Само обнаружение этой проблемы уже было огромным достижением, доступным лишь уму, способному к интеграции, каким обладал Рубинштейн. Но кроме экспликаций – указания на комплексность объекта психологии, он должен был найти ту особую формулу – собственно философского уровня, посредством которой можно было бы репрезентировать и объяснить этот комплексный характер объекта психологии. Эта формула сегодня настолько вошла в обиход, что как бы потеряла свой необыкновенный поразительный по своей оригинальности смысл. Суть ее такова: в разных системах связи с другими явлениями (системами) психическое выступает в разном качестве. Эта, с одной стороны, *эпицентрическая* формула, одновременно, – с другой – содержит принцип *полицентризма*.

Эта формула просматривается и в проанализированных выше определениях объективности субъективного, идеального. Психическое в одном отношении – к миру – обнаруживает качество идеального, относительно независимое от субъекта (знания, идеи), субъективного – отношение к субъекту, преобразованность субъектом. И тем не менее все эти разные качества, которые, согласно Рубинштейну, нельзя отождествлять друг с другом, могут рассматриваться в более широком контексте, в более фундаментальном отношении субъекта, человека – к миру. Согласно этой формуле, в одном качестве психическое связано с общественным бытием людей, их отношениями, в другом – оно является субъективным, идеальным образом мира, в третьем – связано со своими природными основаниями, прежде всего высшей нервной деятельностью мозга.

Итак, объективность психического доказывается многими способами: косвенно как отражение (образ) объективного мира, более непосредственно как объективная способность субъекта к познавательной деятельности, поскольку последняя объективно необходима для практического взаимодействия субъекта с миром, и, наконец, как сходного, родственного всему, существующему в мире, начиная от физического, предметного в прямом смысле слова. Но объективность психического специфична – а специфичность ее многокачественна. Психическое как внутреннее – избирательно, активно в отношении к внешнему как эпицентрическое, как полицентрическое оно многокачественно, многомодально – в одной системе связей оно является образом мира, в другой – проявлением закономерностей своей природной основы, и в третьей – регулятором деятельности – и познавательной, и коммуникативной, и практической, и вся эта многомодальность производна от онтологического основания психики, сознания – субъекта.

В трактовке же принципа детерминизма, явившегося способом доказательства объективности субъективного и раскрытия его специфики, Рубинштейн намечает его новую перспективную конкретизацию. Недостаточно определять сущность детерминизма только в рамках соотношения абстракций внутреннего и внешнего как чистых абстракций, хотя эти абстракции

реально связаны с взаимодействием. В его понимании детерминизма включена идея перекрещивания и пересечения разных воздействий и взаимодействий. Этот аспект детерминизма раскрывается Рубинштейном при анализе процесса познания, на первых этапах которого выступает нерасчлененный эффект разнообразных взаимодействий разных явлений, модальностей. И лишь по мере «работы» познания по расчленению этого синкрета и выявлению «вклада» каждого из взаимопереплетенных воздействий, явлений, восстанавливаются сущностные соотношения разных детерминант. Это «работа» обобщения, включающая преобразование, отвлечение от несущественных, привходящих обстоятельств и факторов.

Принципу детерминизма в его рубинштейновской трактовке свойственна та же иерархичность, многоуровневость, которая присуща самому бытию.

«От ступени к ступени, – пишет С. Л. Рубинштейн, – изменяются соотношения между внешним воздействием и внутренними условиями, через которые они отражаются (преломляются. – К. А.). Чем “выше” мы поднимаемся – от неорганической природы к органической, от живых организмов к человеку, – тем более сложной становится внутренняя природа явлений и тем большим становится удельный вес внутренних условий по отношению к внешним» (с. 12–13). И эта особенность детерминации обозначается им особой формулой «о соотношении “выше” и “ниже” лежащих уровней организации бытия». В их соотношении прослеживается все тот же принцип качественных превращений. «Ниже» лежащие уровни, имеющие, например, природные закономерности, проявляются в *новом* преобразованном закономерностями «выше» лежащего уровня качестве. «Выше» лежащие – более сложные – обнаруживают эффект своего действия на «ниже» лежащих уровнях. Мысль об иерархии уровней организации по критерию «простоты – сложности» перекрещивается здесь с идеей о соотношении уровней по критерию «общее – специфическое». Эти критерии различны, но принцип «преломления» действия закономерностей одного уровня организации через другой – высший или низший – является другим выражением все той же идеи детерминации во всей ее сложности и многоаспектности.

Следует добавить, что у Рубинштейна присутствуют два различных значения понятия «ниже» лежащего уровня, особенно когда он говорит о нем как о более общем по отношению к специфическому. Дело в том, что под «ниже» лежащими закономерностями он понимает и те, которые составляют основание бытия, т. е. особенности человека, субъекта, как предельную систему абстракции, и те, которые представляют собой психофизиологический уровень по отношению к психическому.

Это говорит о том, что Рубинштейн рассматривает принцип детерминизма как бы в разных плоскостях: в иерархически-уровневой, в аспекте связи одной системы с другими (возможно однопорядковыми), при котором одна и та же моноцентрическая (единая) система в разных связях с другими системами обнаруживает разные, не влияющие друг на друга качества и закономерности. Наконец, самым сложным аспектом, который разворачивается уже в книге «Человек и мир», является принцип встроенности более частной системы качеств в другую – более общую, в которой первая осуществляет определенную функцию⁶. Столь подробный анализ философско-методологического содержания «Бытия и сознания» является прологом к идеям, изложенным в «Человеке и мире». Различие этих трудов связано с тем, что в «Бытии и сознании» разрабатывается совокупность более конкретных собственно психологических проблем: проблемы личности, ее способностей, мотивации с точки зрения раскрытия специфиче-

⁶ Мы попытались воспроизвести этот принцип встроенности на анализе достаточно простого примера – движение человека, включаясь в действие, играет в нем определенную роль, тогда как действие, которому субъект придает определенный смысл, выражая свое отношение к чему-либо, в свою очередь «встраивается» в поступок. (Образный пример мы находим в одном из известных фильмов, где герой, трусливо уклоняясь от ответа на прямо поставленный вопрос, вместо того чтобы, скажем, уйти или ответить что-то неопределенное, вдруг достает из кармана яблоко и начинает его жевать. Действие замещает поступок – ответ на принципиальный вопрос.)

ски психологических механизмов и закономерностей их организации. При анализе трудов становится очевидным то, что еще в скрытом виде содержится в «Бытии и сознании». В «Бытии» Рубинштейн развертывает собственно психологический анализ проблемы *личности*, оговариваясь в самом начале, что ему ближе понятие *человека*. Эта оговорка имеет двоякий смысл. Первый подразумевает, что определяющим личность он считает ее этические, человеческие качества, которые, строго говоря, в отечественной психологии (за исключением А. С. Макаренки) остались в виде упоминаний о ее нравственном облике и задачах воспитания. Второй заключается в том, что в «Бытии и сознании» он придерживается уровня психологического анализа личности, тогда как в «Человеке и мире» переходит на уровень философского анализа человека.

Стоит напомнить, что Рубинштейн и Узнадзе еще в 1930-х гг. обращаются к проблеме личности с целью раскрытия ее психологической сущности и механизмов, тогда как в предшествующий период изучение личности – в основном – подменялось характерологией, а большинство современников Рубинштейна и Узнадзе изучали личность ребенка. Важнейшим в рубинштейновском понимании личности являлось то, что он с самого начала рассматривал ее не как абстракцию или феноменологическую данность (объект диагностики, ограничивающейся ее характеристиками в данный момент), а в деятельности и жизненном пути, т. е. в ее становлении, развитии, изменении. Далее он раскрывает систему отношений личности и ее сознания – к миру, к другому человеку и самой себе, глубоко прорабатывая в «Основах общей психологии» проблему самосознания личности. И наконец, в том же труде он предлагает модель личности, включающую «хочу» (мотивы, потребности), «могу» (способности), «я сам» (характер). Разумеется, что это более конкретный уровень определения личности, чем упомянутый выше, где личность прежде всего характеризуется сознанием, реализует в деятельности свою сущность. Все эти определения личности, содержащиеся в разных трудах Рубинштейна, должны быть суммированы для понимания его концепции в целом. В «Бытии и сознании» он более детально останавливается на следующих составляющих этой модели – способностях, характере, системе мотивов и воле, ставя акцент не столько на интегральной сущности личности, сколько на этих составляющих, чтобы проанализировать их механизмы. Совершенно оригинальным является доказательство того, что и способностям, и характеру присущ единый механизм *обобщения*, который традиционно оставался в сфере внимания психологов, разрабатывавших проблему мышления. Столь же нова постановка проблемы системного характера мотивов и их борьбы (сравнительно с традиционным рассмотрением мотива как некоей единицы, абстракции).

Самым существенным в анализе этих составляющих является раскрытие их *функционирования* в процессе функционирования личности, ее взаимодействия с миром, ее движения в жизненном пути. Здесь разработан – в отличие от структурно-статического функционально-динамический и в широком смысле слова генетический подход к личности и ее образующим. Она предстает не как абстракция, имеющая структуру, подлежащую измерению, а как сложная противоречивая функциональная система, механизмы которой складываются и изменяются в процессе функционирования.

Хотя идеи «Человека и мира» сложились давно, написанию книги предшествовало много раздумий. Одна из проблем, которую хотел решить С. Л. Рубинштейн, – написать книгу, доступную любому мыслящему человеку, не только философу или психологу. Поэтому первоначально он решил изложить свою философию жизни человека как автобиографию, чтобы рефлексией собственной судьбы раскрыть глубочайшие трудности становления личности субъектом. Однако, начав писать в таком жанре (в форме дневников, охватывающих даже период детства), Сергей Леонидович засомневался – не будет ли это нескромным, не заподозрит ли кто-то автора в гордыне... Другая проблема – «легальности», т. е. невозможности изложить в открытой форме запретные философские положения, также толкала на эссеистский способ изложения. Все эти «пробы» изложения оставались в дневниках. Между тем первая часть

монографии, посвященная раскрытию онтологической концепции, казавшаяся менее запретной или более сложной для понимания, а потому обнаружения запретного, писалась легко, набело, сама собой выстраивалась в процессе написания. Однако тогда рукопись утрачивала цельность: первая часть адресовалась как бы только единицам, тогда как вторую часть он мечтал посвятить всем и каждому.

Отказавшись, наконец, от автобиографического замысла, Сергей Леонидович обращается к тому философскому духовному контексту, тем авторам, на чьи идеи и концепции он предполагал опереться. Стопки раскрытых на нужных страницах книг (преимущественно немецкая и французская философия) с пометками автора заполняют пространство кабинета. Сергей Леонидович работает над структурой 2-й части книги – он набрасывает не менее десятка планов. Напряженная работа то и дело прерывается болезнью. Но и в больнице, лежа, на крошечных листках записной книжки бисерным почерком, слабеющей рукой, он продолжает писать. И одновременно происходит то, к чему он стремился: строго философская система начинает наполняться конкретным, живым, жизненным человеческим содержанием. Собственный жизненный путь и избранный способ жизни перед лицом кончины трагически осмысляются, рефлексированы и приобретают характер всеобщности судьбы человека в мире, – его жизни в социуме как «оптимистической трагедии».

Смерть прервала работу – книга осталась в рукописи. Но когда я (К. А.), будучи уполномочена автором в качестве душеприказчика на завершение этой работы, сложила все составляющие, то из сложной рассыпанной мозаики выстроилась целостная композиция. Я взяла на себя лишь смелость из множества планов второй части составить некий обобщенный единый план и, в соответствии с ним и логикой авторской мысли, пополнила основной текст второй части дневниковыми записями. Для того чтобы понять всю концепцию, потребовалось ознакомиться с трудами Канта, Гегеля, Гуссерля, Кассирера, Хайдеггера и других философов, на книгах которых Рубинштейном были сделаны пометки.

Вся авторская концепция конспективно представлена в написанных Рубинштейном разделах «От автора» и «Введении». Но первая часть книги как абсолютно новая философская парадигма, интегрирующая онтологию и философскую антропологию, нуждается в комментировании, вторая же действительно прочитывается как философско-художественное, доступное пониманию любого человека произведение, глубоко волнующее поставленными в ней проблемами его жизни.

В противоположность всем философским течениям, либо раскалывающим бытие на материю и сознание, либо вообще подменяющим сознанием бытие, С. Л. Рубинштейн считает исходным *бытие*, в состав которого входят разного уровня различные *способы существования*, имеющие разную *сущность*. Центром и высшим уровнем организации бытия является человек, обладающий сознанием. Бытие с появлением человека выступает в новом качестве, преобразованном его сознанием и деятельностью, включая в себя и предметы, несущие социальные значения, и субъектов, вступающих в определенные отношения. Это качество бытия Рубинштейн обозначает понятием «Мир». «Стоит вопрос не только о человеке во взаимоотношении с миром, – пишет Рубинштейн, – но и о мире в соотношении с человеком как *объективным* отношении» (с. 7). На основе такой концепции, он предлагает пересмотреть существующие философские категории и раскрыть их новые значения.

Первое, что обращает на себя внимание уже во «Введении», – это особое, причем *расширительное* и для самой концепции Рубинштейна *употребление понятия субъекта*. В отличие от обозначения бытия только как существования или материи, он предлагает дифференцировать его состав и выделить разные способы существования, обладающие и движением, и разной *качественной определенностью*, которую Рубинштейн обозначает понятием *субъекта*! Очень важно для понимания его концепции то, что здесь – в онтологическом плане – понятие субъекта употребляется им *не только по отношению к человеку*, во-первых. Во-вторых,

оно обозначает специфический способ организации, сущность, субстанцию, определенность, сохраняющуюся в процессе изменения и развития.

Как развиваются и конкретизируются философские положения, выдвинутые в «Бытии и сознании»? Прежде всего это касается принципа детерминизма. Если в «Бытии» в основном он оперирует понятиями внешнего и внутреннего, то здесь появляются другие понятия: «страдать», т. е. подвергаться воздействиям, и «действовать». Эти понятия образуются в силу соединения принципа детерминизма и принципа деятельности, который был выдвинут еще в 1930-х гг. Здесь Рубинштейн как бы отвечает на вопрос, может быть, не высказанный прямо, но возникший у читателя его последних трудов: отказался ли он от принципа единства сознания и деятельности и заменил его принципом детерминизма? Он не только не отказался, но на новом уровне осуществил их синтез. Причем очень важно обратить внимание на то, что фактически понятие «страдать» и «действовать» характеризуют только внутреннее, т. е. обозначают две его модальности, в одном случае связанные с внешним – пассивной, зависимой позицией, в другом – независимой от внешнего, активной, при которой, напротив, внешнее становится страдательным, т. е. подвергающимся воздействиям внутреннего. Это принципиальное переосмысление, переворачивающее сложившиеся в философском мировоззрении (особенно советского периода) убеждение, что человека детерминирует объект, внешний мир. Это убеждение официального марксизма происходило из двух источников: социологизации действительности, внешнего мира, поскольку он рассматривался на уровне абстракции отдельного человека – общественного индивида (а не философской категории человека); и гносеологизации, которая утверждала приоритет объекта, причем его отражение в сознании, присущее человеку по определению, оказывалось производным. Именно поэтому единственное понятие «деятельности», по своему смыслу подчеркивающее приоритет человека по отношению к изменяемому и создаваемому им миру, разрабатывалось преимущественно в психологии, а не философии. И когда на самых поздних этапах существования марксизма в России появился тезис о «всемогуществе» человека – его способности поворачивать течение рек, изменять все законы природы и общества – на самом деле он был оптимистическим коммунистическим мифом, несколько не связанным с основным содержанием марксистской философии, по существу придерживавшейся парадигмы зависимости, страдательности человека.

Далее Рубинштейн объединяет с принципами детерминизма и деятельности принцип развития, который был одним из основополагающих в его трудах 1930-1940-х гг. Следует сразу отметить: несмотря на то что диалектический материализм включал развитие в число своих категорий, в силу того, что определяющей была категория «материи», развитие чаще всего конкретизировалось в *двух* направлениях – как «движение», присущее разным формам материи (т. е. сводилось фактически к понятию физики, раскрывающему физическую организацию материи, к ее свойству) или как переход количественных изменений в качественные. Рубинштейн напрямую высказывает критику второго (с. 36), считая количественные и качественные закономерности *разнопорядковыми*, «ортогональными» (как говорится в психологии). Впервые он опровергает равенство категорий «движение» = «развитие». Развитие он связывает с разными уровнями организации бытия, на каждом из которых проявляется диалектика «изменения» (развития) и «сохранения» (пребывания, идентичность качественной определенности). Активный характер этого процесса он подчеркивает понятием «*восстановления*», «*воспроизведения*» («восстановление, воспроизведение общего внутри изменяющегося», с. 23). Этот принцип развития имеет смысл сопоставить с разработанным им в «Основах» понятием функционирования, которое свойственно всем уровням организации живого. Но в «Основах» он еще разделял структуру и ее функционирование, считая, что, чем выше уровень развития, уровень организации, тем большую роль по отношению к структуре, которая на низших уровнях является детерминирующей, начинает играть функционирование, оказывающее обратное влияние на структуру и выступающее у человека в качестве «деятельности». Здесь же соединяются

ранее разобщенные понятия структуры и ее функционирования с понятием «способа функционирования» = «способу существования». Понятие *«способа»* фактически идентично *качественной определенности* той или иной *сущности*.

Конкретизируя последнее понятие, Рубинштейн детально в новом качестве рассматривает понятие субстанции, которое в традиционном философском понимании представлялось скорее как неизменная статичная структура, чем сущность. Субстанция, согласно Рубинштейну, – сущность, обнаруживающая себя в явлениях, осуществляющая специфическое преобразование внешних условий (ср. деятельность), будучи итогом прошлого развития и обладая возможностью будущего развития. Здесь развитие связывается с категорией времени, анализу которой Рубинштейн, так же как категории «пространства», далее уделяет специальное внимание (особенно трактовке времени бытия на уровне человека).

Итак, суммируя, можно выделить следующие аспекты его определения сущности:

1. способ существования (зависящий от особенностей разных субъектов);
2. причина самой себя (способности причинения – ср. деятельность);
3. причинность *как процесс* причинения;
4. *качественная* определенность;
5. воспроизводство (= «самодетальность» – понятие, философски интерпретируемое Рубинштейном).

В «Бытии и сознании» Рубинштейн вводит новую формулу принципа детерминизма как само собой разумеющуюся, не сопоставляя и не противопоставляя общепринятому (не только в марксизме) пониманию детерминизма как причинно-следственной зависимости. В новом труде он рассматривает и последнюю, предлагая свою трактовку этой связи.

Во-первых, он рассматривает причину как действующую на саму себя, «в самом себе», как действие причины внутри нее самой, как «инерцию» в широком смысле слова.

Во-вторых, он учитывает «цепи» причинения и причинных связей.

В-третьих, причину он понимает не только как вещь, но как процесс, а следствие – как выход движения, сначала происходящего внутри причины, вовне, как процесс обособления, который затем может быть рассмотрен в виде относительно законченных этапов, звеньев единого процесса. Кроме прямой, он рассматривает обратную связь – влияние следствия на причину.

Действие следствия на причину выступает в двух формах: 1) изменение самой причины и 2) изменения условий ее действия. Причем обратная связь осуществляется также в двух направлениях: 1) изменение причины следствием и, наоборот, 2) сохранение, поддержание постоянства причины.

И далее он предлагает учесть принцип многоуровневости детерминации, что соединяется с идеей «Бытия и сознания», где рассматриваются разные уровни организации системы (систем) и их взаимодействия. Действие разных уровней детерминации порождает множественность причин, их сложнейшую связь, возможность перекрытия действия одной причины действием другой, возможности проявления в следствии интегрального результата, а не суммы отдельных причин и т. д. Здесь фактически принцип детерминизма соединяется с системным подходом, который в 1970-х гг. был сформулирован и разработан Б. Ф. Ломовым.

Самый существенный момент развития новой формулы детерминизма сформулирован в предложении: «...следует различать действие причины, порождающее эффект опосредованно через внутренние условия (состояние объекта), и действие причины, выражающееся в форме внутренних условий (свойств и состояний) субъекта» (с. 29). В обоих случаях речь идет о внутренних условиях, но в одном – как связанных с воздействием внешних, в другом – как совершенно независимых от них (самопричинение, самодетерминация).

Возвращаясь к сопоставлению трактовки принципа детерминизма в «Бытии» и «Человеке», надо отметить, что в последнем труде эта трактовка, обогащенная категориями деятель-

ности (ср. «самодеятельность» – термин самой первой статьи С. Л. Рубинштейна «Принцип творческой самодеятельности», 1922) и развития, «переворачивает» местами внешнее и внутреннее. Если в «Бытии» анализ отправляется все же от внешнего воздействия, а внутреннее восстанавливается в своих «правах» как имеющее свою специфику («внутренние закономерности»), онтологию, наконец, как активно воздействующее на внешнее, то здесь автор отправляется от внутреннего, раскрывая его следующие модальности:

6. «страдательность» как способность и возможность подвергаться воздействиям;
7. «преобразование внешнего по законам внутреннего» = «задача» внутреннего как сущности, как особого способа существования;
8. причина самого себя;
9. способность *причинения* (= «действия», воздействия на внешнее);
10. способность развития = воспроизводство своей сущности, качественной определенности.

Интересно, что если в «Бытии» Рубинштейн обращается сразу к своей новой трактовке принципа детерминизма (следуя своему эзоповскому принципу, предлагая его как нечто само собой разумеющееся), то в «Человеке» он не столько напрямую сопоставляет свою и традиционную трактовки детерминации, сколько по-своему интерпретирует ее традиционную формулу. Во-первых, причина отождествляется с внутренним; во-вторых, общий эффект нескольких совместно действующих причин не равен сумме действия отдельных причин; в-третьих, не только причина порождает следствие, но оно – по принципу обратной связи – изменяет, но (что крайне важно) не саму причину, а условия ее действия, благодаря чему возникают новые действия исходной причины; изменение же следствия происходит при изменении причины или условий ее действия. Таким образом и традиционная причинно-следственная связь обогащается: а) принципом *развития* – изменения (под влиянием друг друга или независимо друг от друга причины и следствия); б) обратными соотношениями; в) плюрализмом, проявляющимся в рассмотрении не одной, а *множества* причин.

И ниже Рубинштейн выскажет еще одно кардинальное положение об особых «точках» в пространстве перекрещивания различных причин. Можно предположить, что эта мысль близка, но только с другого угла зрения, сформулированному в «Бытии» положению о разных качествах той или иной сущности, проявляемых ей в разных системах связей. Раскрывая преимущественно роль внутреннего по отношению к внешнему (и его «природу» – специфику саму по себе), Рубинштейн наделяет его двумя основными способностями: способностью «страдать» и «действовать», свойственными сущностям (субстанциям) различных субъектов. Повторяем, что здесь понятие «субъект» связывается с активностью внутреннего по отношению к внешнему, с его качественно специфической субстанцией, сущностью, но еще не со спецификой человека. Разная качественная определенность присуща разным способам существования на разных уровнях организации бытия.

После обоснования основных онтологических принципов – приоритета бытия по отношению к сознанию как сознанию человека, включающегося внутрь бытия; детерминизма, деятельности и развития – Рубинштейн проводит анализ категорий, раскрывающих способ организации бытия на его разных уровнях. Продолжая линию, начатую в «Бытии и сознании» о неправомерности раскрытия категорий сознания и материи в контексте гносеологического отношения, он вводит как более общую (и вместе с тем обладающую своей спецификой) категорию «природы». Как это ни парадоксально, введением человека в состав бытия Рубинштейн должен был бы (казалось бы) раскрыть категорию природы как производную и зависимую от человека. Но он в порядке альтернативы вышеприведенному марксистскому (точнее, советскому) тезису о способности человека изменить природу и общество, рассматривает природу не как «материал» для производства, фабрику и контору, но как становящуюся из себя особенную (мы бы сказали нерукотворную) сущность. Но вместе с тем, следуя законам диалектики,

Рубинштейн критикует сведение природы к материи, осуществляемое марксизмом, именно потому, что в таком случае материя становится объектом физического объяснения и отрывается от общественно-исторического способа существования человека. Кроме того, он прямо критикует тезис диалектического материализма о переходе количественных изменений в качественные: «...выделение качества из накопления количественных различий, – пишет он, – наследие декартовского механицизма и гегелевского идеализма в диалектическом материализме» (с. 36). Уже придя к этому выводу, именно в «Бытии и сознании» Рубинштейн не употребил для названия книги понятие «материя».

В связи с характеристикой природы Рубинштейн еще раз возвращается к своему принципиальному тезису о том, что если материи присуще движение, то на высших уровнях организации (да и применительно к самой материи) правомерно говорить не о движении, а о *способе существования*. Понятие способа существования дает возможность соединить сущность с ее бытием, существованием. И, утвердив этот тезис, Рубинштейн обращается к выявлению особого соотношения человека и природы. Если на уровне общественного, исторического способа бытия ему присущ деятельностный, преобразующий действительность способ существования (в качестве субъекта деятельности и познания), то на низшем уровне человек также выступает в качестве природного существа, он *внутри* природы. Однако и внутри нее он связан с ней отношением, которое Рубинштейн обозначает отношением наивности, невинности, непосредственности. Природность, как мы предполагаем, считал Рубинштейн, присуща и самому способу существования человека, и его сознанию. «Сознание. тоже включается одним своим аспектом в природу. как бы “опускается” в природу» (с. 39). Тем самым ограничивается ленинское положение о противоположности сознания и материи как объективной реальности, существующей независимо от него (справедливое только для гносеологического, но не онтологического отношения). Сама природа как качественная определенность обладает в соотношении с человеком двумя свойствами: это свойство ее гармоничности, упорядоченности, спокойствия, служащее основой эстетического отношения к ней человека, и, в известном смысле противоположное – ее стихийность, а потому неожиданность, сопротивляемость, вызывающие у человека необходимость *борьбы* с ней. В состав природного Рубинштейн включает не только неодушевленную природу, но и другого человека и природные связи между людьми (мать и дитя). Как мы увидим из раздела, посвященного собственно философской антропологии, т. е. человеку, природные основы человека проявляются в его чувственности (не в узком фрейдовском, а в самом широком смысле), в его способности не прагматически, а *созерцательно* отнестись к окружающей природе, в его восприятии как соприкосновении с природой (и особенно в эстетическом как единстве восприятия и переживания).

Раздел, посвященный категориям времени и пространства, очень фрагментарен, но чрезвычайно важно ранее данное определение (в разделе о природе и материи) времени и пространства как «форм существования» сущего и принцип выделения специфики времени и пространства на разных уровнях бытия (данный принцип разворачивается в виде схемы, не совсем полной, скорее как пример, иллюстрация его). Важнейшим в определении этой проблемы Рубинштейном является, во-первых, применение категории пространства к человеческой жизни, что снимает ограниченность ее понимания только в связи с материей, предметностью, и во-вторых, постановка задачи раскрыть специфику времени – пространства человеческой жизни. Время, по Рубинштейну, в самом глубоком смысле связано со структурой и спецификой разных процессов, включая специфику жизни человека. Рубинштейн возражает и против субъективистской трактовки восприятия времени в психологии, и по существу – против сведения всей проблематики времени человека к восприятию объективного времени, к проблеме психологии восприятия, тем более к его трактовке как кажимости (с. 42). Субъективность восприятия производна от объективной позиции субъекта, его соотношения с действительностью. Он, прямо не полемизируя с экзистенциализмом, против философского опре-

деления времени жизни через ее конечность (смерть), особенно сартровской трактовки жизни (бытия), определяемой через соотношение со смертью (не-бытием). Напротив, бытие определяет небытие, поскольку отрицание сущего частично, парциально, не тотально. Конкретизацию проблемы времени человеческой жизни он дает позднее – в своей антропологической концепции.

Следующие большие разделы посвящены проблеме соотношения бытия и познания, мышления и его логической структуры. В «Бытии и сознании» Рубинштейн еще только намечает онтологический подход к гносеологической проблеме, причем преимущественно в связи с предметом психологии, здесь он реализует этот подход как собственно философский. Если в «Бытии» он выявляет специфику идеального и субъективного как общие модальности, качества психического, то в «Человеке и мире» он детальнейшим образом рассматривает сам процесс познания, который марксистской гносеологией и предшествовавшими ей гносеологическими концепциями был априорно абстрагирован от субъекта познания, поскольку для них была принципиальна внеположность субъекта и объекта. (И если даже познавательный процесс включался в диалектическое взаимодействие с объектом, то это было не взаимодействие *субъекта* и объекта, а взаимодействие сознания, познания с объектом.) Если в «Бытии» Рубинштейн рассматривает соотношение логического и психологического еще внутри гносеологического отношения, то в «Человеке и мире» он дает принципиально новую трактовку познания с позиций онтологии и *антропологии*. Сначала он, развивая определение сущности в чисто онтологическом ключе показывает момент раздвоения явления на имеющее онтологическое определение, т. е. связанное с взаимодействием реальностей, действительности, и на собственно гносеологическое. «Необходимо различать явление как сущее и познание этого явления сущего познающим субъектом» (с. 44). «Быть и являться – это достоверность Бытия», – пишет он, раскрывая онтологическую природу явления. «Восприятие и действие (жизнь) человека выступают как взаимодействие двух реальностей» (с. 43). Далее для познания возникает вопрос, *что* нечто есть, который идеализм пытается перевести в сомнение, что нечто *есть*.

Неисчерпаемость явления познанием, сохранение в нем скрытого содержания свидетельствует также о том, что объект мысли не сводится к мысли об объекте. «Это значит, что само отражение выражается в онтологических категориях явления бытия для другого» (с. 47). Чрезвычайно важным тезисом, содержащимся в двух последних трудах является именно проблема несводимости объекта мысли к мысли об объекте. Этот тезис проводится и в раскрытии природы идеального как знаний, результатов процесса познания в «Бытии», и в критике кантовской и гегелевской концепций в «Человеке и мире», и в концепции соотношения имплицитного и эксплицитного в обоих трудах. Философско-антропологический подход к познанию еще раз рассмотрен в конце второй части «Человека и мира», но уже здесь (в первой части) при рассмотрении процесса познания введена категория труда как его *источника*: не нужно длительных доказательств, насколько это положение расходится с ленинским тезисом о практике только как критерии истины, т. е. завершающего *итога* (конца) познавательного процесса. И в целом философско-антропологическая онтологическая концепция познания Рубинштейна, преобразуя, «снимает» распространенную и глубоко проникшую в психологию официальную марксистскую теорию «отражения», которая передовыми философскими умами 1960-1970-х гг. корректировалась и по-новому трактовалась тщательно, но не выводилась за рамки исходной постановки вопроса, абсолютизировавшей гносеологическое отношение и гносеологию. Чтобы яснее соотнестись с этой традицией, прочно вошедшей в философское сознание, можно, следуя Рубинштейну, сказать, что противоположность субъекта и объекта, правомерная, согласно марксизму-ленинизму, только в рамках гносеологического отношения, даже в этих рамках – *неправомерна*. А само гносеологическое отношение не может быть определено вне онтологического рассмотрения соотношения человека и бытия, Бытия и как бытия человека, и как Мира для человека, и как природы.

Подводя итоги, можно сказать, что основой философско-антропологической концепции Рубинштейна является рассмотрение человека внутри бытия и утверждение его трех отношений к действительности – познавательного, созерцательного и действенно-практического. Развивая этот фундаментальный тезис Рубинштейна, мы полагаем, что познавательное отношение идеально преобразует объект (моделирование и т. д.), созерцательное – сохраняет его в его собственной природе, а деятельное – преобразует объект, создает новые предметы, отвечающие потребностям человека.

Итак, можно сказать, что Рубинштейн реализует свой онтологический подход, раскрывая содержание всех философских категорий, о которых выше шла речь. Самой общей оказывается категория сущего, интегрирующая бытие и многообразие различных способов существования, обладающих субстанциально различными сущностями, присущими субъектам развития, изменения, активности разного рода. Специфика категории бытия раскрывается через совокупность категорий бытия человека, действительности, материи, природы, мира, с присущими им временем – пространством и способами взаимодействия и совокупность принципов – детерминизма, развития, деятельности⁷.

Вторая часть труда предваряется введением, в котором намечены основные характеристики отношений человека к миру. Нужно специально остановиться на понимании Рубинштейном самой категории человека. Кроме трех вышеупомянутых его отношений к миру – познавательного, созерцательного и деятельного, здесь фактически вводится еще одно отношение, которое составляет содержание первого параграфа работы, – отношение к другому человеку. Сложность объяснения этой категории в том, что понятие человека на самом высоком уровне абстракции предполагает включение в него и понятия человеческого рода, и понятия общества, и понятия личности. Отношение к другому присуще, казалось бы, более конкретному уровню абстракции «человек». Но будучи определено (положено) на этом конкретном уровне, оно затем вбирается в самое философское определение человека в виде специального этического отношения. Можно ли сказать, что этическое отношение человека к миру (как включающему в себя, согласно Рубинштейну, других субъектов) входит в состав созерцательного отношения к миру? С одной стороны, казалось бы созерцательное отношение к миру исключает (по данному выше определению) деятельное отношение к другим людям, но с другой, оно не исключает активного к ним отношения. Это и имеет в виду Рубинштейн, выступая против использования человека в своих целях, отношения к нему как функции (манипулирование и т. д.) и считая, что активным, отвечающим критериям человечности отношением к нему можно укрепить, «усилить» его сущность. В раскрытии сущности этического отношения человека к человеку Рубинштейн и возвышает статус этического, возводя его очень конкретное, являющееся огромной проблемой для человека содержание на уровень категории человека⁸.

Уже в «Бытии и сознании» он вводит понятие человечности, которое в «Человеке и мире» занимает едва ли не центральное место. Тезис о совершенствовании, самосовершенствовании, саморазвитии субъекта остается голой абстракцией, если не раскрыть, как это с потрясающей глубиной сделал Рубинштейн, решив задачу преодоления формализма в этике, что отнести к другому как субъекту значит выработать, выстроить отвечающее принципу человечности отношение к нему. Этим снимается достаточно априорная категоризация двух взаимодействующих людей как субъектов. По-видимому, именно к трудности выявления и реализации этой задачи относится как бы вскользь высказанное суждение Рубинштейна: «Есть

⁷ Нужно сказать, что представленная в заключении схема категорий не раскрывает всей глубины (и точности) их связей, имеющей место в тексте первой части работы.

⁸ В Институте философии Академии наук, философском центре страны, не было не только сектора этики, практически не употреблялось само это понятие, замененное “Кодексом строителя коммунизма”, так же как понятия «онтология» и «философская антропология» употреблялись только в историко-философском контексте или критическом плане.

такие субъекты, которые не выдерживают испытания в своем притязании на этот ранг (субъекта), а есть другие, выдерживающие» (с. 54).

Эта фраза является ключом и к раскрытию другого, относящегося к сфере философской антропологии, содержания понятия «субъекта», отличного от вышеуказанного, расширительного. Идея обозначения качественной определенности различных способов существования в сущем как субъектов, расширительное употребление этого понятия не противоречит, а напротив, предполагает, что при раскрытии этой качественной определенности на уровне человека понятие «субъект» превращается в философско-антропологическую категорию, связанную со становлением человечности, духовности, сознательности человека.

Следуя идеям Рубинштейна (или независимо от них), Б. Г. Ананьев употребляет понятие субъекта в контексте человекознания для выявления качественной определенности *разных* форм (способов) его активности – субъект деятельности, субъект отношения и субъект познания. Эти понятия субъектов носят дифференциальный характер. Рубинштейн же в «Человеке и мире», не отказываясь от идеи развития личности в деятельности, т. е. выявления «механизмов» ее становления субъектом, считает, что это становление – по большому счету – не может быть ограничено способом деятельности, даже творческим. Не только в деятельности – основа возможности стать субъектом. Она в способности отнестись к другому как субъекту, которая требует решения сложных, с социальным контекстом и степенью его жесткости, этических проблем, которые очень конкретно рассматривает Рубинштейн. Это и проблема верности и жертвенности в изменившихся обстоятельствах жизни, проблема преодоления встречного негативного к себе отношения, и проблема любви (любви не только к «беленькому», но и к «черненькому»), и проблема Достоевского – стоит ли благо человечества одной слезы ребенка.

Множественность и трудность этих проблем определяется тем, что Рубинштейн рассматривает личность как субъекта жизненного пути. Эта тема сопровождала его всю его жизнь.

Это была Тема его жизни и его творчества. Он начал развивать ее еще в начале 1930-х гг. очень быстро вслед за Шарлоттой Бюлер (а может быть, и параллельно с ней), выдвинувшей фактически новую парадигму в изучении личности в контексте жизненного пути. Эта тема отражается в первых «Основах» (1935), затем – в «Основах общей психологии» (1940; 1946).

Как уже отмечалось, концепция философской антропологии начала разрабатываться Рубинштейном уже в 1920-х гг. В философских рукописях (многие из них до сих пор не расшифрованных и не опубликованных) уже ярко очерчена идея человека как центра реорганизации бытия. Здесь – в последнем труде, завершающем жизненный путь и воплощающем вершину творческого пути, он, с одной стороны, включает человека «внутрь», в состав всего сущего, доказывает его родственность всем уровням организации бытия, с другой – показывает его обособленность, осуществляемую через познание и деятельность, с третьей – раскрывает, как изменяется бытие, выступая в новом качестве «мира», с появлением человека как его высшего уровня развития. Эти основные координаты антропологической концепции построены удивительно четко и определенно при том, что сама концепция создается в контексте критического преобразования марксизма, с одной стороны, философии экзистенциализма – с другой.

Категория человека раскрывается Рубинштейном и на предельно абстрактном, и на конкретном уровнях. Причем на последнем в нее вбирается множество проблем, представивших наибольшую трудность для философской мысли. Это проблема человека, на уровне отношений человека к человеку, «я-другой», но взятая не просто как психологическая проблема общения, но как этико-философская проблема приоритета или равноправия «я» и «другого». Это проблема человека как субъекта жизни, рассмотренная в важнейших категориях последней – жизни и смерти как утверждения и отрицания, как соотношения трагического и оптимистического, позитивного начал в самой жизни (и отношений к ней человека), сплетенности добра и зла, соотношения прошлого, настоящего и будущего, соотношения индивидуального и общественного. Это проблема свободы и необходимости, ответственности.

Основными параметрами человека как субъекта жизни являются: 1) рефлексия как способность и сознания, и самого человека отнестись к жизни, преобразовать ее, выйти за пределы ее «ситуаций»; 2) ответственность как проявление серьезного отношения к жизни; 3) способность построить ее в соответствии с принципами человечности, совершенства, красоты; 4) мировоззренческие чувства (трагическое, ироническое, комическое и др.), также возвышающие человека над ходом и непосредственностью жизни, эмоционально и этически обобщающее соотношение в ней добра и зла; 5) этическое отношение к «ближнему» и «дальному»; 6) способность к совершенствованию жизни, людей, самого себя.

В процессе раскрытия этих качеств человека как субъекта жизни Рубинштейн решает две фундаментальные проблемы: социально философскую проблему отчуждения и собственно философскую – отрицания, которые, строго говоря, являются двумя гранями единой проблемы – противоречий. В противовес постановке Марксом проблемы отчуждения в чисто социальном плане (средств и продуктов труда, эксплуатации и т. д.) он ставит ее как проблему отчуждения от человека его человеческой сущности, которая, несомненно, также связывается с характером общественных отношений, но для своего практического решения требует не только изменения последних (построения коммунизма, по Марксу), но этической нравственной переделки отношений людей в соответствии с принципами человечности. Этот ход мысли чрезвычайно важен для понимания самой сути философской антропологии: человек определяется не только через кардинальные отношения к миру – познание, деятельность и созерцание (этим еще не преодолевается абстрактность решения проблемы), но через противоречивые, требующие построения, разрешения связанных с противоречиями проблем отношения. Идея их противоречивости заложена в глубоко диалектической трактовке отрицания, которое ставит во главу угла экзистенциалистская антропология. Последняя определяет жизнь через соотношение со смертью, ситуации жизни через их отрицание – выход из них, самого человека только через его «проект» (Сартр), т. е. только через будущее, а не как состоявшегося в результате прошлого в настоящем. Отрицание, по Рубинштейну, конструктивно, так как несет в себе утверждение, позитивное начало, порождение нового.

Идея неизбежной противоречивости человеческого бытия конкретизируется во всех вышеперечисленных его параметрах, которые вводит или рассматривает Рубинштейн. Отправляясь от категории эстетики – всеобщего обобщенного чувства (*Gesamtgefühl*), он вводит в философскую интерпретацию жизни новую категорию – мировоззренческих чувств, имея в виду несколько обобщенных чувств, составляющих палитру духовно-этического осмысления личностью своей жизни. В ней может преобладать одно чувство при наличии и других, составляющих эту палитру, из которых Рубинштейн более всего занимает чувство трагического – трагическое отношение субъекта к жизни. Это объяснимо из самого текста, в котором Рубинштейн анализирует условия, при которых его собственное отношение к жизни (или, скорее, она сама) приобрело бы трагический характер. Это понятно, поскольку жизнь ученого объективно была трагична. Но он разделяет объективную трагiku жизни и трагическое отношение к ней. Его отношение, несмотря на все, было оптимистическим (сознавая, что его жизнь была трагична, он находит подходящее выражение в названии известной в тот период пьесы – «Оптимистическая трагедия»). Истоки его оптимизма – в понимании смысла жизни как борьбы за строительство подлинно человеческих отношений в бесчеловечном обществе. Здесь в постановку проблемы человека подставляются очень конкретные значения – судьба человека в современном ему российском обществе.

Еще и еще раз нужно подчеркнуть, что в трактовке и показе того, как могут быть разрешены проблемы отчуждения человека от человека, от общества, от собственной жизни Рубинштейн поднимает этику на уровень высшей антропологической абстракции. Она далека от понятий обыденного нравственного сознания, нравственных норм, морального воспитания и т. д., поскольку она предполагает достижение человеком вершины развития, если он присваи-

вает свою человеческую сущность. Человек не берется как наличность, данность (как это часто имеет место в понимании психологии личности), даже не только как имеющий будущее (или отрицаемый будущей смертью), но рассматривается как становящийся, как тот, кто своими познанием, действием и созерцанием, разрешая противоречия жизни (или свое с жизнью противоречивое соотношение) одновременно становится ее подлинным субъектом. Очень важно подчеркнуть, что в отличие от распространившегося в отечественной философии и психологии понимания деятельности преимущественно как предметной, преобразующей предметный мир, Рубинштейн раскрывает способность деятельности – человеческих поступков – изменять объективное «соотношение сил» в жизни, в человеческих отношениях, составляющих ее важнейшее содержание и объективно поддерживать, изменяя к лучшему, другого человека. Этим ходом мысли и осуществляется онтологизация человека, его сознания, его духовности как объективно решающей силы. И в «Бытии и сознании» и в «Принципах и путях развития психологии» (1959) Рубинштейн шел, нащупывая кардинальное решение, к этой постановке проблемы. Там уже прозвучала тема интеграции психологии и этики. Но он понял, что интеграция должна осуществиться на более высоком – философском – уровне как интеграция философской антропологии и этики, как включение последней в сердцевину первой, как раскрытие способа достижения человеком своей сущности в жизни, а не только как философская констатация наличия этой сущности. Так подходит Рубинштейн к конечной цели своего исследования – формулировке сущности и задач подлинной этики, открывающей объективные закономерности человеческого бытия. В отличие от этики, строящейся на основе индивидуализма, субъективизма, погашающей все этические проблемы в проблемах самосовершенствования, рефлексии, рубинштейновская этика учитывает все объективные отношения человека к миру и другим людям, закономерные отношения, складывающиеся в жизни, выявляет объективные возможности человека и на этой основе ставит вопрос об ответственности человека за свою жизнь, других людей, за свою человеческую сущность.

Читатель сам найдет, прочтет, поймет и примет все рубинштейновские решения, которые он предлагает для преодоления отчуждения от человека его сущности – и связь с Природой, и связь со Вселенной, и любовь к другому Человеку. Достижение этой сущности есть достижение свободы, которой уделила столько внимания современная Рубинштейну европейская философская мысль (Роже Гароди, Дьорд Лукач, Эрих Фромм, весь экзистенциализм, марксизм и др.). Его трактовка свободы учитывает и интегрирует все эти постановки проблемы, дискуссии, поиски. Он раскрывает ее сущность и в социально-философском ключе – как преодоление отчуждения, неподлинности жизни, и в социально-этическом, и в этико-философском, и в психолого-этическом планах. Свобода не как уход, не как голое отрицание, не как альтернатива необходимости, а как достижение человека, как итог его борьбы, ответственности, взятой им на себя добровольно за свою жизнь, за судьбы общества, науки, других людей.

Категория ответственности появляется уже в «Бытии и сознании», неожиданным образом связываясь не только с последствиями содеянного (как она всегда понималась и в нравственном, и в правовом сознании), но и с... упущенным. Стоит остановиться на этом блестящем повороте мысли, в формулировке которой как будто отсутствует субъект, но которая прямо указывает именно на него – на его потенциальные, данные ему объективно, но им не реализованные возможности. Если постепенно понимание ответственности смещалось в сторону поступков, действий, произведших негативный (прежде всего, подлежащий наказанию) результат, то здесь ответственность оказывается сердцевиной сущности личности, ее духовной жизненной силой, которую она присваивает и которая – в конечном итоге – и дает ей переживание своей субъектности, своей свободы. Тот, кто берет на себя ответственность сам, тот обладает возможностью сам же, в ее пределах и направлениях, контролировать, организовывать все свои действия, отношения, снимая тем самым внешний контроль, принуждение, обре-

тает независимость, свободу. Свобода не есть только осознание необходимости, она есть преобразующее присвоение субъектом.

Действенность субъекта – это не только его действия по преобразованию окружающего, это преобразование и построение им своей сущности в процессе взаимодействия с жизнью, людьми, обществом и самой жизни, как адекватной этой сущности.

Предыдущее издание «Человека и мира» (1997) содержит ранее не публиковавшийся раздел «Этика и политика», посвященный теме, пронизавшей все размышления, все дневниковые записи С. Л. Рубинштейна. Прежде чем остановиться на ней, нужно выявить те основные линии отношения Рубинштейна к марксизму, о котором уже говорилось в начале, поскольку в ряде случаев он был вынужден говорить «от имени» марксизма. Об этом необходимо сказать прежде всего потому, что марксизм был противопоставлен (в известной степени самим Марксом, а затем и его продолжателями) всей предшествующей мировой философской мысли и заявлен как истина в последней инстанции (чем превратил себя в догму, не допускающую развития и тем самым вступил в вопиющее противоречие со своей собственной диалектической сущностью). Первая – это уже раскрытая выше линия *соотношения* его концепции как совершенно самостоятельной и марксизма (его онтология и философская антропология выросли не из марксизма, а явились результатом переосмысления всей мировой философской мысли, всех ее направлений, концепций, идей и их конструктивного преобразования (Аристотель, Платон, Декарт, Спиноза, Гегель, Кант и... Маркс). Вторая – это *отношение* Рубинштейна к марксизму, включавшее анализ концепции Маркса, направления ее конструктивного использования (прежде всего, диалектический метод) и различных интерпретаций марксизма. Третья – его *отношение* к советской марксистской философии, разорвавшей на «лоскуты» теорию познания, теории общества и природы. Наконец, *отношение* к социальной практике и политике, идеологии, которая выросла на почве этой философии, т. е. тоталитаризму и его антигуманной сущности. Рубинштейн, благодаря уровню своего философского мышления, сумел осмыслить марксизм во множестве ипостасей, функций, различного характера влияния в разные периоды – весь спектр его ролей – от позитивных до глубоко догматических, идеологических, от гуманистических до античеловечных. Внимательный читатель, сопоставив все работы Рубинштейна, посвященные трудам К. Маркса (1930-х, 1950-х гг.) и текст труда «Человек и мир», дифференцирует первые три отношения и поймет их сущность (при эзоповском языке, некоторых умолчаниях Рубинштейн очень четко прочерчивает *свою* позицию). Требуется раскрытия лишь последний фрагмент. Его ценность не только в обращении гениального мыслителя к трагедии своего времени. Его ценность в поднятии социальных проблем на уровень философского осмысления и в открытии социально-этического способа их решения. Его ценность – в разделении практически реализованного способа общественной жизни и идеала, будущего, в нахождении той точки отсчета – в идеале коммунизма, – с позиций которой настоящее не выдерживает критики, в раскрытии его вопиющих противоречий. Он разрешил противоречия, жестко обнаружившие себя между политэкономической теорией К. Маркса, его теорией коммунизма, превращенной Лениным в теорию классовой борьбы, и практикой и идеологией социализма, превратившей идею освобождения человечества от эксплуатации в практику его социального принуждения и уничтожения. Замечательно, что, набрасывая эти строки, их автор не думал об их будущем, о возможности и путях их публикации, может быть, даже о последствиях, если их прочтет враг. Тогда бы он оставил их навеки в Пантеоне своих раздумий. Он действительно чувствовал себя в эти последние дни своей жизни и не в Москве, и не в своем кабинете, даже не в пространстве науки, а в другом пространстве – Вселенной, о чем он писал в своей «Исповеди». Его последние мысли были выражением его гражданского и человеческого мужества.

Фактически, он не только раскрыл античеловеческую сущность тоталитаризма, *сталинизма*. Отрицание предполагало для него утверждение, которое содержалось во всем пред-

шествующем смысле его труда – в необходимости борьбы за человечность человека, общественных отношений, за раскрытие и реализацию *всех* его сущностных сил, заключенных в познании, в активности, в его природных способностях, в любви. Он высказал свое отношение к революции, неоднократно переосмыслявшееся им на протяжении жизни, начиная с юности, с дружбы семьи Рубинштейнов с Плехановым, с чтения еще тогда – в Марбурге – всей политической, литературно-философской прессы. Он дал ее анализ как явления российского и как общечеловеческого символа, идеала. Этим он поднял социальные, социально-экономические, социально-политические, практические проблемы до уровня их философской интерпретации, показал, как она осуществима. Он открыл метод построения системы конкретизирующих, вбирающих реальность абстракций. Этого искусства ее не достигала философская мысль.

Можно, занимая скептическую позицию, сказать, что Рубинштейн не репрезентировал систему категорий в своей онтологической концепции. Но он с предельной ясностью показал их связи, которые объясняются закономерными связями в самой действительности и способом-методом научно-философского обобщения и абстракции. Ключевая идея, позволившая Рубинштейну органично, а не декларативно соединить онтологическую концепцию (учение о бытии) и философскую антропологию (учение о человеке), – это радикально новая трактовка принципа детерминизма. Метод, основанный на принципе детерминизма и инкорпорированных в него принципах включения явлений в разные системы связей, в каждый из которых они приобретают и выявляют свою специфику и качественную определенность, принципе потенциального и актуального, раскрывающем временную интенциональную сущность, который был использован Рубинштейном при анализе места психического в мире и здесь в его философской антропологии, приобрел и реализовал все свое конструктивное операциональное содержание.

Поэтому можно смело утверждать, что в книге «Человек и мир» представлена целостная, завершенная концепция, впервые в истории философской мысли объединившая онтологию и философскую антропологию, которая вобрала в себя гносеологию (теорию познания), теорию деятельности, психологию и этику. Рубинштейн впервые представляет онтологическую концепцию бытия, включив в него субъекта, который получает не гносеологическое (связанное с противопоставлением субъекта и объекта), сводящее его к познанию и сознанию, а онтологическое же объяснение. Он определяет место человека в бытии (как субъекта его реорганизации), раскрывает единство его сущности и способа существования, его родственность всем субъектам других способов существования и качественных изменений определенного рода, одновременно его специфичность как высшего структурного уровня организации бытия, совокупность отношений человека к миру, природе, другому человеку как единство познавательного, созерцательного и деятельностного. Со всей присущей ему философской и научной эрудицией он проследил, как в истории философии и само бытие (материя, природа) и характеристики человека (познание, сознание, деятельность) были предметом анализа и интерпретации, но... в своем абстрактном, изолированном друг от друга качестве. Главное, они не рассматривались как способности человека (в результате чего и возник абстрактный антропологизм), а человек, в свою очередь, сводился к той или иной абстракции, вырывавшей его из бытия, заменялся ею. Центральной абстракцией, «вытеснившей» человека, оказалось его сознание, познание. Учение о бытии, материи, природе все больше становилось предметом не философского, а конкретно-научного объяснения (физики, естествознания), а тем самым все больше отрывалось от философской антропологии как учения о человеке. Только блестящее знание различных наук – математики, физики, химии, естественных наук, психологии и др. – позволило Рубинштейну проделать «обратный» путь, обобщив все их результаты и опираясь на них представить их в своей онтологической концепции. И синтез онтологии и антропологии он осуществил, идя от проблемы, поставленной еще марбургской и баденской школами – соотношения номотетического (точного) и идеографического (гуманитарного) знания. Он решил проблему, возникшую не только в истории философии, он вскрыл проблему, наметившуюся в философии советского

периода 1940-1950-х гг., состоявшую в том, что учение об обществе постепенно обособилось от учения о познании, гносеологии, логики, теории отражения и от того философского направления, которое Ф. Энгельс назвал «диалектикой природы» (философских вопросов естествознания). Он раскрыл их связи через единство онтологического и антропологического и, одновременно, с позиций этого единства, вскрыл их противоречия.

На первый взгляд в труде «Человек и мир» (как и в «Бытии и сознании») мы видим традиционную для марксистской философии критику предшествовавших философских систем. Однако, по существу, эта критика ограничивается эпитетами, фактически же дается глубочайшая интерпретация и квалификация буквально всех поворотов историко-философской мысли, за которыми скрывается ее односторонность, завожившая в тупик, и абстрагированность от целого. Рубинштейн учитывает все позитивное содержание в радикально преобразованном качестве в контексте целостного решения проблемы. Все существовавшие в истории философские концепции человека охватывали, как правило, одну какую-либо его сторону: либо человек есть природа в духе классической философии истории, либо сознание, в понимании всех идеалистических теорий, либо решающей оказывается его связь с обществом в стиле современных социально-философских концепций, либо его отношение к (Божественной) природе и другому (общение) в религиозно-этическом ключе. Рубинштейн реализует монистический подход, прослеживает взаимосвязи разных абстракций и отношений. Нельзя сказать, что какая-либо из критик, осуществлявшаяся с позиций одной философской системы в адрес другой (включая советскую философию в период ее упоенной критики «буржуазной философии»), была философски непродуктивна, бессмысленна. Через отрицание всегда рождалось утверждение нового. Но до сих пор в истории философской мысли еще не достигалась сквозная критическая реконструкция *всех* философских систем на основе достижения такого уровня абстракции, который оказался конструктивным для интеграции всех качеств бытия и всех объясняющих его абстракций и интерпретаций. Включение идеи об особом способе существования человека как уровне развития бытия приводит к необходимости рассмотреть те категории, которые характеризуют бытие в целом и в их специфическом качестве на уровне человека.

Это конструктивное содержание труда более других непосредственно соотносится с экзистенциализмом. Анализ экзистенциализма осуществляется в историко-философском контексте. С одной стороны, экзистенциализм, подчеркивая категорию существования, противостоит тем этическим концепциям, которые переносят смысл существования по ту сторону реальной жизни (религиозно-этическим). С другой – экзистенциализм восстанавливает существование человека только для того, чтобы подчеркнуть чуждость ему его собственной сущности и невозможность обрести ее ни в чем, кроме смерти. Идеи одиночества, «брошенности» человека в мир наиболее характерно выражают экзистенциалистское понимание человека. С. Л. Рубинштейн противопоставляет этому пониманию прежде всего раскрытие сущности человека как деятельностного существа. Эту сущность он раскрывает одновременно в противоположность этическим концепциям, подчеркивающим страдательный пассивный характер человеческого бытия.

Особенно частая апелляция Рубинштейна к сартровской концепции вызвана тем, что Сартр «выращивает» свою философскую систему на почве психологии, взяв за основу антропологических абстракций индивида, «психологического человека», с его бессознательным, эмоциями, эстетикой – «субъекта наиболее конкретной реальности»⁹. Однако на этой конкретной абстракции не удалось построить монистической концепции познания, не удалось дать позитивного решения жизненной драмы личности. Она оказалась непригодной в качестве универсальной теоретической модели человека, вбирающей в себя все уровни и пара-

⁹ Sartre J.-P. L'Être et le néant. – Paris, 1943. – P. 23. О его философской антропологии см.: Филиппов Л. И. Философская антропология Жан-Поля Сартра. – М., 1977. – С. 193.

метры человеческой жизнедеятельности, или единой теории бытия, как ее называет сам Сартр в феноменологической онтологии¹⁰. Рубинштейн доказывает принципиальную не единичность человеческого бытия, связь индивидуального «я» с другим, преломление в индивидуальном всеобщего – исторического, человеческого, общественного, связь человека с *человечеством*.

И вместе с тем эта раскрытая Рубинштейном связь индивидуального и общественного, личности и человечества дает ему возможность показать с потрясающей остротой проблемность судьбы и жизни личности, наличие в ней не только будущего («проекта», по Хайдеггеру), но проблем, противоречий, разрешая которые она только и достигает своей субъектности. Уже годы спустя после смерти Рубинштейна философский конгресс, состоявшийся в Брайтоне, констатировал «смерть субъекта» как чрезмерно абстрактной, не оправдавшей себя философской категории. Рубинштейн вернул категорию субъекта во всей полноте его философского содержания философии XX в., российской философской мысли, раскрыв его сущность с точки зрения практического, чувственного соотношения с бытием, он исследовал объективные особенности человека как субъекта. Это прежде всего его способность реорганизации бытия¹¹, то, что с появлением человека вся действительность выступает в новом качестве «Мира» человеческих предметов и отношений. Эта способность впоследствии конкретизируется в трех отношениях человека к миру: познавательном, действенном, созерцательном (этическом отношении к другому человеку, эстетическом – к природе). Что же обозначает категория «мир» в концепции Рубинштейна? Кроме отмеченных выше созданных человеком предметов и их значений, отношений людей, он понимает «мир» как третью действительность, которая, однако, вопреки махизму, не субъективна, но является новым качеством природы, действительности в ее единстве с человеком, в своей преобразованности, сотворенности им. (Маркс, желая обозначить эту проблему, употребил понятие «второй природы».) Человек как субъект объективирует в мире свою человеческую творческую сущность и вместе с тем на каждом шагу вступает в противоречие с этой – уже обособившейся от него – действительностью – и так *становится* субъектом жизни как процесса непрерывного изменения и сохранения, отрицания и развития, добра и зла, жизни и смерти. Включение в этот процесс человека как субъекта не отменяет его объективного характера: субъект вносит объективные изменения в процесс жизни.

Категория субъекта оказалась имманентна российскому философскому сознанию. Однако, по-видимому, концепция Рубинштейна, будучи ровесницей первой половины века, намного опередила развитие в целом догматизированной (в силу жестокой необходимости) отечественной философии, несмотря на проявление в ней – по той же причине изолированных, обособленных, и в этом смысле абстрактных – глубоких и конструктивных идей. Специализация, дифференциация, характерная для науки середины века, проявилась и в философии, области которой лишь формально объединялись тезаи диалектического материализма. Сегодня, когда достигли своего высокого развития методология системного и комплексного подходов, появляется уверенность в том, что будут глубоко восприняты вбирающие в себя множественность модальностей человека и бытия интегративные идеи С. Л. Рубинштейна¹². Категория субъекта начала распространяться в философии и этике уже в 1960-1970-х гг., а затем усилиями школы С. Л. Рубинштейна фактически превратилась в новую парадигму пси-

¹⁰ В издание 1997 г. впервые были включены фрагменты рукописи, посвященные Сартру.

¹¹ Эта способность субъекта была раскрыта еще в 1920-х гг. в неопубликованном рукописном труде Рубинштейна. Поразительно, что расшифрованная часть этих рукописей представляет собой своеобразный проспект «Человека и мира».

¹² Интерпретация философско-психологической концепции С. Л. Рубинштейна и попытки ее конкретизации и развития представлены в книгах: *Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В.* Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. – М., 1989; Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Воспоминания. Материалы. – М., 1989; *Абульханова-Славская К. А.* О субъекте психической деятельности. – М., 1973; *Брушлинский А. В.* Субъект: мышление, учение, воображение. – М.; Воронеж, 1996; *Будилова Е. А.* Философские проблемы в советской психологии. – М., 1972; Психологическая наука в России XX столетия: Проблемы теории и истории. – М., 1997.

хологии. Ее деятельностная парадигма, предложенная Рубинштейном в начале 1930-х, превратилась к концу века в субъектно-деятельностную. На первый взгляд эта судьба философской концепции Рубинштейна кажется парадоксальной – он сам, с такой последовательностью и мужеством боровшийся за нее, то скрывая, то прямо отстаивая и в конце концов положившим на нее жизнь, успел воплотить лишь на бумаге, в рукописях, в дневниках. Он не мог инкорпорировать ее в современное ему философское сознание, мировоззрение, отравленные советской идеологией. Но ликвидация тоталитаризма, крах авторитаризма в России потребовали обращения (хотя бы как к идеалу, символу) к субъекту как выражению неистребимости российской потребности страдать и действовать – извечной проблемы Достоевского.

К. А. Абульханова, А. Н. Славская

Биография С. Л. Рубинштейна¹³

Сергей Леонидович Рубинштейн родился 18 июня 1889 г. в Одессе. Его родители принадлежали к высокообразованным кругам российской интеллигенции. Содержание большой семьи (у Рубинштейнов было четверо сыновей) требовало от отца огромных усилий. Он был известным, очень популярным адвокатом, имевшим широкий социальный, экономический, юридический кругозор.

Мать Сергея Леонидовича сумела передать сыновьям все лучшее, что несла в себе культура XIX столетия. Сергей, с детства страдавший болезнью сердца, получил свое первое образование в семье – он блестяще знал мировую литературу, очень рано познакомился с русской и западной философией, увлекался математикой, свободно владел тремя европейскими языками, читал на греческом и латинском. Нравственно-этические проблемы, поставленные Л. Н. Толстым, Ф. М. Достоевским, Н. Бердяевым, очень рано стали для него проблемами жизненными.

Напряженный труд подорвал здоровье отца, и Сергей стал духовной, нравственной опорой семьи, помогая матери разрешать свалившиеся на ее плечи жизненные трудности. Проведенное дома детство, судьба семьи, оказавшейся в одиночестве в мелкобуржуазной процветающей среде, затем отказ царя на его прошение учиться в университетах России как лицу еврейского происхождения и вынужденный отъезд в Европу для обучения в университетах Германии – все это наложило отпечаток на его личность. Очень рано он осознал всю серьезность жизни, став старшим в семье, взяв на себя большую ответственность, пережил горечь одиночества, а с ним – привычку самостоятельно справляться с трудностями.

Неизгладимое впечатление на его мировоззрение оказала смерть Л. Толстого, через осмысление которой он подошел к осознанию трагической невозможности построить жизнь по своему замыслу, противоречию этического и реальной жизни.

Мир его философских и научных размышлений не поглотил его, не увел от реалий жизни, которые он также очень рано стал осмысливать не только житейски, но философски, этически.

В двадцать лет он уезжает в Германию, где в университетах Берлина, Фрайбурга и Марбурга с 1909 по 1913 г. изучает философию, социологию, математику, естествознание, а также логику и психологию. Кроме подлинно энциклопедического образования, Сергей Леонидович творчески овладел, чтобы затем блестяще применять на протяжении всей жизни, методом, методологией – «логикой» организации знания, способами его получения. Он научился применять философские конструкты в качестве методологии научного познания. Основным предметом разработки и дискуссий марбургской школы была проблема метода – задача синтеза наук о духе и наук о природе (естественнонаучных знаний, математики, физики и т. д.). Его учителями были крупнейшие представители неокантианства: Герман Коген и Пауль Наторп.

Однако, освоив присущую им культуру и искусство мышления, Сергей Леонидович не стал ни последователем своих учителей, ни продолжателем марбургской школы. Досконально овладев гегелевским и кантовским методами, он специально посвятил свою первую кандидатскую (по старым критериям – докторскую) диссертацию проблеме метода («К проблеме метода»), в которой сумел преодолеть рационализм гегелевского мышления, формализм и

¹³ Сведения о среде, к которой принадлежала семья Рубинштейнов, содержатся в ценной статье С. С. Дмитриева, посвященной анализу жизненного пути младшего брата Сергея Леонидовича – известного историка Николая Леонидовича Рубинштейна. Многие биографии С. Л. Рубинштейна, принадлежащие его ученикам, можно найти в книгах: Применение концепции С. Л. Рубинштейна в психологической науке. – М., 1989; *Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В.* Философско-психологическая концепция С. Л. Рубинштейна. – М., 1989, а также Сергей Леонидович Рубинштейн: Очерки. Материалы. Воспоминания. – М., 1989.

априоризм Канта и неокантианства и извлечь жемчужину диалектического метода и как философского и как научной методологии. Применив гегелевский метод и концепцию познающего субъекта для преодоления основной формалистической парадигмы марбургской школы, он по-новому поставил проблему методологии познания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.